

## ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

### Peculiarities of Lexical borrowings in Poetic language

Мераб Ахвледиани (Грузия)

Merab Akhvlediani (Georgia)

Associate Professor, Batumi Shota Rustaveli State

[merabi-kh@mail.ru](mailto:merabi-kh@mail.ru)

**Ключевые слова:** заимствование, поэтический, перевод, национальный колорит

Давно известно, что поэтический язык существенно отличается от языка прозы, даже очень высокохудожественной. Обыкновенное слово нейтрального стиля, попав в поэтическую строку, приобретает совершенно иное звучание: высокое, эмоциональное, внушительное. Так происходит во всех языках (в том числе русском и грузинском) даже с такими словами, которые, казалось бы, никакой поэтичности в себе не содержат. Например, русское слово "убогий" совершенно непоэтичное слово, но в поэме Некрасова "Кому на Руси жить хорошо" в антонимической паре, организованной ритмически со словом "обильная", оно зазвучало поэтически:

*Ты и убогая, ты и обильная,*

*Ты и могучая, ты и бессильная,*

*Матушка Русь!*

Сильной отличительной чертой поэтической речи является ритм и рифма стихотворной строки. Они придают поэтической речи особое значение. Читая поэтическую строку, человек настраивается на какую-то особую интонацию. Например, знаменитое четверостишие А.С.Пушкина:

*Я помню чудное мгновенье*

*Передо мной явилась ты,*

*Как мимолетное виденье,*

*Как гений чистой красоты.*

образец высокой поэзии, хотя словосочетание "гений чистой красоты" в смысловом плане не очень-то понятно.

Эти особенности поэтической речи еще больше осложняются, когда в ней появляются слова иноязычного происхождения. Они, как известно, приносят в текст затруднения смыслового характера. Иноязычная лексика в поэтическом тексте часто не поддается переводу. Ведь еще А.С.Пушкин в "Евгении Онегине" говорит, что "панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет".

Если иноязычное слово не имеет эквивалента в заимствующем языке, то думать о его переводе бессмысленно, так как многословный перевод поэзия не приемлет. Поэтому переводчик оказывается вынужден оставить в русском тексте иноязычное слово без изменения.

Но есть и другая заинтересованность переводчика. Иноязычное слово приносит с собой еще и определенную экзотику, национальную окраску или, как часто говорят, национальный колорит.

Обратимся опять к Пушкину, который, высмеивая поверхностное воспитание Онегина, говорит, что тот мог "потолковать об Ювенале, в конце письма поставить vale , да помнил, хоть не без греха, из Энеиды два стиха". Пушкину латинское слово vale (будь здоров) понадобилось в русском тексте не только для рифмы. Это слово вносит в текст колорит эпохи. Варваризм vale содержит информацию о том, что в описываемую эпоху, молодежь училась и латинскому языку.

Подобный прием много раз использовали русские переводчики грузинской поэзии. Так, например, еще со времен Пушкина и Лермонтова во многих русских поэтических произведениях встречается экзотизм "сакля", который в основном используется для создания национального колорита. Все словари и исследования утверждают, что слово "сакля" восходит к грузинскому *saxli* (дом). Однако в русском языке произошло сужение значения этого слова. Если в грузинском языке *saxli* является названием любого жилища, то в русском языке "сакля" - это "хижина кавказских горцев".

Возникает вопрос, почему в русском языке появилась именно данная форма грузинского слова. Вполне объяснимо появление окончания "-я". Это стремление русского языка подчинить заимствованное слово своим грамматическим нормам.

Непонятно только, почему закрепилась форма "сакля, а не "сахля". Ведь в русском языке имеется соответствующий грузинскому звук "х".

Русские поэты XX века часто переводили грузинских поэтов и, естественно, не могли удержаться от соблазна вкрапливать в свои стихи грузинские слова. Многие из них не имеют эквивалентов в русском языке, например: генацвале, монатреба, кинто, мацони и другие.

Однако такой оборот как "Аба, давльот!" можно было бы совершенно свободно перевести на русский язык (Давай выпьем!), но известный поэт Е.Евтушенко в своем оригинальном стихотворении "Грузинская застольная" предпочитает оставить целое грузинское словосочетание без перевода. Причина та же - представление в русском языке грузинского колорита.

Среди причин, вызывающих употребление иноязычного слова как в оригинальной, так и переводной поэзии, нельзя исключить и субъективный фактор, вкус поэта, его личное отношение к слову.

В русском переводе поэмы Важа-Пшавела "Алуда Кетелаури" есть строка: "Творит дидебу хевисбери". Для русского читателя из трех слов два непонятны. "Хевисбери" можно было бы перевести словом "старейшина", но при этом теряется колорит и утрачивается смысловой оттенок грузинского экзотизма, так как "хевисбери" не только светский, но и религиозно-культовый старейшина.

Слово же "дидеба", употребленное в тексте в форме винительного падежа, - это просто стремление переводчика усилить национальный колорит поэмы. Стихотворный размер позволяет употребить вместо "дидеба" русский эквивалент данного слова - "молитва" (сравним: Творит молитву хевисбери). Однако известному переводчику Н. Заболоцкому в данном контексте почему-то больше нравится грузинское слово.

Следует отметить, что грузинские слова, проникшие в русскую поэтическую речь, в основном имена существительные, называющие какие-то грузинские реалии, бытовые или исторические. Среди данной лексики могут быть слова явно негрузинского происхождения, но они проникли в русский через посредство грузинского языка и поэтому русский язык их принял как грузинские.

Так, например, слово "шампур" в русских словарях имеет помету "грузинское" (Словарь русского языка, 1984, т. 4: 700), хотя оно арабского происхождения. В русском языке "шампур" имеет эквивалент "вертел", но русские писатели в целях

сохранения национального колорита часто употребляют грузинское, по их мнению, слово. Более того, у каждого из этих слов свой оттенок значения. *Вертел* - это металлический прут для жаренья над огнем мяса вообще, а экзотизм *шампур* в русском языке употребляется только в связи с приготовлением кавказского шашлыка.

Русские поэты очень часто для создания национального колорита используют слово «тамада», у которого нет эквивалента в русском языке. Еще у Пушкина в маленькой трагедии "Пир во время чумы" человек, руководивший застольем, назывался "председатель стола". Нужно ли доказывать, что "председатель" и "тамада" не одно и то же? Поэтому русские писатели позже предпочли слово "тамада" не переводить. В толковых словарях оно имеет помету "грузинское", хотя и сегодня мы не знаем, как в грузинском языке появилось это слово. На грузинском языковом материале оно не объясняется. Восточным его тоже вряд ли можно считать, так как функция тамады без вина не мыслится, восточное застолье же вина не подразумевает из-за запрета религии. Скорее всего, слово это кавказского происхождения, но следует уточнить, в каком именно языке оно возникло.

Когда мы говорим об оригинальной поэзии, в которой используется иноязычная лексика, то не следует упускать из вида то обстоятельство, что возможность появления заимствованных слов в русской поэтической речи обуславливается неременной связью данного художественного произведения с особенностями жизни и быта других народов. Поэтому анализируемую лексику мы встречаем, как правило, в творчестве писателей, живущих или побывавших когда-либо за рубежом.

Так, например, появление стихотворения русской поэтессы Б. Ахмадулиной «Тифлис» связано с грузинской темой, навеяно грузинскими мотивами и вообще идеей о Грузии. В это стихотворение она вводит сразу несколько грузинских слов, которые передают характерные черты быта жителей Тбилиси, воссоздают неповторимый облик города:

*Как мацонщик, чей ослик любим как никто,  
возвещаю восход и мацони.*

*Коль кинто не придёт, я приду, как кинто,  
веселить вас, гуляки и сони.*

*Ничего мне не жалко для ваших услад.*

*Я - любовь ваша, слухи и басни.*

*Я нырну в огнедышащий маленький ад*

*за стихом, как за хлебом - хабази.*

Слово *мацони* зафиксировано в нескольких толковых словарях русского языка. В толковании этого слова даётся синоним «простокваша» с пометой «грузинское», «областное» («Толковый словарь русского языка», т. 2, 1938: 165). Однако в употребительном плане слово «мацони» не имеет общезыкового распространения. Оно, видимо, распространено и понятно в речи людей, в какой-то мере близких к кавказскому ареалу.

В грамматическом плане слово *мацони* не освоено, то есть не имеет морфологических показателей рода, числа, склонения. Но в семантическом отношении оно освоено, на что указывает тот факт, что при помощи русского суффикса **-щик** от несклоняемого *мацони* образовалось новое слово со значением лица- *мацонищик*, которое уже является собственно русской лексической единицей.

Обращает на себя внимание и употребление в стихотворении другого грузинского слова *кинто*, которое в приведённом примере несёт на себе бóльшую стилистическую нагрузку, нежели предыдущее.

Для старых тбилисцев *кинто* был символом балагурства, острология. Б.Ахмадулина переносит в своё стихотворение это понимание слова *кинто*. Он у неё симпатичный остролов, встреча с которым доставляет удовольствие. Это слово, видимо, необходимо поэту как образ. И чтобы «подать» его живо, звучно, колоритно, чтобы оно не «затерялось» и не потускнело, поэт вводит в стих в общем-то малоэффективный полустих «чей ослик любим как никто», чтобы потом «взорваться рифмой» *никто - кинто*.

Интересным является использование Б.Ахмадулиной употребительно-активного слова «**хабази**». Труд поэта она сравнивает с нелёгким трудом *хабази* (хлебопёк), выпекающего грузинский хлеб в торнэ.

*Хабази* в русском языке имеет хорошие соответствия - пекарь, хлебопёк. Однако поэт вставляет в стих грузинское слово. Это оправдано, так как в данном случае *хабази* не просто пекарь, а пекарь в торнэ - «огнедышащем маленьком аду», куда «за стихом нырнёт» поэт, как *хабази*, за хлебом. Создан поэтический образ - свежий, зримый, сближающий труд поэта с нелёгким трудом *хабази* и потому наделяющий стих неповторимым ароматом грузинского хлеба.

Таким образом, анализ примеров, приведённых в статье, позволяет нам прийти к определённым выводам. Употребление иноязычных слов в русском поэтическом произведении диктуется следующими факторами:

- версификационными задачами;
- непереваемостью иноязычного слова;
- необходимостью создания национального колорита;
- тематической обусловленностью;
- личным вкусом автора.

Описанные выше явления проникновения иноязычных (в данном случае грузинских) слов в русскую поэтическую речь мы называем не заимствованием, а интерференцией. Мы считаем, что интерференция - один из видов заимствования. Но если при заимствовании подразумевается активность заимствующего языка, который заинтересован в появлении чужого слова у себя, то при лексической интерференции активным мыслится язык-источник, который как бы навязывает другому языку свою лексику. Однако нередко бывает трудно найти грань между этими двумя процессами перехода слов из одного языка в другой.

## **ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Голетиани Г.Г. Грузинская лексика в русском языке. Тб., 1972.

О грузинских заимствованиях в русском языке. - В кн.: Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. Москва, 1987, с. 276 - 289.

Поэтика перевода. Сборник. - Москва, 1988.

Словарь русского языка. В 4-х томах (АН СССР), 1981 - 1984.

Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1-4, 1935-1940.